

Майя

Майя несколько раз прошлась перед зеркалом, любуясь покупкой.

Платье — что надо! Легкое, шелковое, голубое!.. Правда, немного коротковато. Ну, да теперь многие такие же носят. Зато так ладно облегает фигуру. Девчата в деревне ахнут!..

И она выбегает из гостиницы на улицу. Солнце уже клонится к закату, но ещё светит тепло и мягко. На остановке тихо урчит автобус. Майя врывается в его открытую дверь, усаживается поближе к кабине водителя.

За стеклом мелькают деревья, убегают дома...

Майя закрывает глаза. Подружки, конечно, сразу прибегут к ней домой. Осторожно потрогают платье, покрутят её, попросят показать награду...

Она счастливо улыбается, открывает глаза.

Вот и пристань. Глухо шуршит, притормаживая, автобус.

Майя выпрыгивает на тротуар, проворно спускается по крутой лесенке. Прислоняется к перилам. Отдышаться. Осмотреться. Мимо снуют с чемоданами и узлами пассажиры. На грузовой площадке им бойко и разноголосно расхваливают свой товар местные садоводы и огородники. Лёгкий ветерок наполнен густым запахом солений, яблок, свежескошенных трав и притихшей реки.

До отплытия теплохода ещё долго. Майя прячет в сумку билет и отходит от кассы. Оглядывается, где бы провести время?

— Ребята, пошли на «Поплавок», — слышит она за спиной озорной девичий голос. И вспоминает, что ещё ни разу не бывала в ресторане. Интересно, что там и. как? Да и перекусить не мешало бы!..

А на «Поплавке» почти никого нет. У буфета скучают официантки. Зал лишь чуть-чуть освещён.

Майя садится за столик у окна, чтобы видеть, как причаливают пароходы, и слушать, как плещется вода.

Окна — иллюминаторы. Когда ударяет волна, вода струйками сбегает по стеклу, отливает радужными красками. Впечатление такое, будто плывёшь, плывёшь... Далеко, далеко... через марево заката.

Майя прищуривается, осматривая зал. Встречается взглядом с каким-то парнем с округлой чёрной бородкой и... ойкает.

А бородач уже спешит к ней. В большом настенном овальном зеркале отражается его широкоплечая стройная фигура.

— Вот это встреча! — Он крепко жмёт её ладони.

У Майи замирает сердце.

— Павлик?!

— Да, моя беляночка, да!.. Ты рада?

— Очень!.. Очень!

Голос Майи дрожит, зелёные глаза сияют. Нашёлся-таки! А ведь как в воду канул, уехав на учёбу в город. Ну пусть всерьёз не принимал её влюбленности. Но ведь по соседству жили! Вместе в самодеятельности выступали, зачитывались книгами, рассуждали о жизни... Мог бы хоть раз и написать. Ведь ей так тяжело давалась разлука — места себе не находила. И вдруг эта встреча!

— Садись, Павлик, садись!

— А может, ко мне? В уголок, под пальму? Сядем рядком да поговорим ладком!

Она застенчиво оглядывается. Идти через весь зал. Под чужими взглядами?

Павлик обнимает её за плечи и опять о чём-то спрашивает. Он всё такой же! Его мягкий голос, весёлые глаза и сильные руки словно околдовывают, вызывают радостные воспоминания. И она невольно поддается уговорам, смущённо семенит к его столику.

Павлик подзывает официантку. Заказывает вино, закуску, фрукты, мороженое. И Майя подмечает, что делает он это привычно и непринужденно.

Чтобы немного успокоиться, она снова осматривается. За соседним столиком какой-то упитанный тип не отрывает от неё своих масляных глаз. Майя досадливо

отворачивается. На неё многие так заглядываются. Но что ей до их угодливости, напыщенных заверений. Её почему-то всегда влечёт лишь к одному человеку, к Павлику. Вот он сидит перед ней — ясноглазый, шутливый, любимый!

Майя переводит глаза на другой столик и замечает за ним девушку. Она, видимо, только-только появилась здесь и ещё ничего не успела заказать. На ней нарядное тёмно-вишнёвое платье, чёрные лакированные, туфельки, на тонкой смуглой руке золотистая браслетка с миниатюрными и такими же золотистыми часиками. Лицо у девушки тоже смуглое, глаза крупные, чёрные, ресницы длинные-длинные, густые каштановые волосы лёгкой волной улеглись по плечам... Красавица, да и только! Девушка бесцеремонно и несколько насмешливо разглядывает её. И Майя ещё больше смущается. Она уже жалеет, что пересела, а её новое платье с оборочками кажется теперь чересчур простеньким и неудобным.

Майя ёжится, стараясь незаметно натянуть платице на голые колени.

А Павлик всё шутит. Подливает в бокал шампанское. Сыплет забавными историями.

Вино согревает и кружит голову. И Майя в конце - концов успокаивается. А когда вдруг ярко зажглись люстры, загремела музыка, ей всё вокруг представляется волшебным.

— Я хочу танцевать...

Он скорее угадал, чем услышал. Ведет её в танце свободно, не сбиваясь с ритма, улыбается только ей одной, как когда-то на вечеринках. И Майе кажется, что счастливее её никого здесь и нет. Такой он внимательный и ласковый!

— Как ты сюда попал, Павлик?

— Очень просто, малышка. Надо же вечер скоротать!

— А институт?

— Ты все ещё о нем помнишь? А я и думать забыл!

— Не учишься? — тревожится Майя.

— Нет! Шоферу по старой памяти. Здесь шофера, знаешь, сколько заколачивают? Вот и гуляем!

Майя озабоченно хмурится.

— А тебя в колхозе ждут... — Она чуть отстраняется и окидывает его зорким взглядом. Отмечает, что одет он шикарно: отличный темно-синий костюм, модная пёстрая сорочка, яркий галстук... Настоящий франт!

— Ну-ну! Не дуйся! — смущённо просит Павлик. — А то возьму и... поцелую!

Майя знает, что свою милую угрозу он навряд ли приведёт в исполнение: если не очень изменился, на людях он всегда был стеснительным. Но сама фраза подсказывает о многом. И она счастливо улыбается.

— Жениться не собираешься?

— Нет... Жениться не напасть, как бы женатому не пропасть! — Шутливо отзывается Павлик.

— Что так? Неужто и впрямь не завёл здесь зазнобы?

Майя спрашивает как будто безмятежно, а сама вновь замирает от томительного ожидания ответа.

Его густые черные брови вздрагивают, он пожимает плечами.

— Но ты-то кому-нибудь нравишься? — Майя не отступает, ей кажется невероятным, что для кого-то другого он не представляет интереса.

— Может, и нравлюсь! — хитровато смеется Павлик, и Майя тотчас краснеет.

— А ничего не пишешь!

В её голосе слышится упрёк, даже обида. Он смущённо бормочет:

— Да, понимаешь... Закрутился!.. Ты уж меня прости. — И смотрит на неё с такой нежностью, что у Майи просто сердце заходится.

— Ой, молчи, Павлик! Молчи!.. Мне так хорошо сейчас!..

Голова сама клонится к нему на плечо. Мягкие золотистые волосы касаются его лица и словно электризуют. Охваченный этим острым, томительным чувством, он вздрагивает и на миг прижимает девушку к груди.

— Как давно я тебя не видел! — взволнованно шепчет он. — Помнишь наш пруд? Кувшинки с лилиями? Мы ныряли за ними до самого дна. А мальчишки дразнили нас: «Тили-тили-тесто! Жених и невеста!».

Она поднимает на него сияющее лицо.

— А сейчас ты бороду отрастил. Зачем? Настоящий Карабасище! — шутит она, чтобы скрыть такую же радость от воспоминаний. |

— Для солидности, малышка. Для солидности!

— Не называй меня так, — сердится Майя. — Ну что ты из себя выставляешь!..

Несколько секунд Павлик огорошенно молчит, затем на широком загорелом лице его появляется удивление.

— Ну а ты как здесь оказалась?

Майя снова краснеет, тихо делится своей радостью:— Орден я получала, Павлуша. Теперь вот обратно, в колхоз, возвращаюсь.

От изумления он останавливается.

— Орден? За что?

Он спохватывается и снова кружит её по залу.

Майя вскидывает на него свои зелёные глаза.

— А тебе и вправду интересно — за что?

Он кивает и внимательно слушает сбивчивый рассказ о её рекорде на молочной ферме.

— Все-то у тебя получается! — С грустью вздыхает он и опять в порыве нежности прижимает девушку к груди.

— Не надо, Павлик. Не надо!

Майя оглядывается. Опять та красавица за столиком глаз с них не сводит.

— Ты её знаешь? Это твоя девушка, — вдруг догадывается Майя.

— Кто? — Павлик перехватывает её взгляд и мрачнеет. — Да как сказать...

Настроение у Майи разом портится. Она останавливается, смотрит на часы.

Павлик тревожится.

— Что, уже пора?

— Да, осталось десять минут.

Задумчивые и молчаливые, они выходят на дебаркадер. Река уже потемнела. В чёрном как смоль небе сиротливо плавает тусклая луна...

— Жаль, что ты исчезаешь, — грустно говорит Павлик.

Майя останавливается, бросает на него внимательный взгляд, стараясь угадать, как он живёт.

— Тебе... Хорошо здесь?

— Без тебя — плохо! — тоскливо отвечает он. — Вот и с институтом ничего не получилось... Знаешь, как трудно было! Потому и не писал...

Майя молча гладит его большие шершавые ладони. Пропахшие бензином, они так не вяжутся с его франтоватым костюмом.

— А эта девушка... Она тебя любит?

Он пожимает плечами. Потом торопливо восклицает:

— Да что мне до неё!.. Так уж получилось!.. Майя хмурится.

— М-да... И в спектаклях уже не играешь?

Он невесело усмехается, качает головой. Ему невольно вспоминается их неугомонная юность. Она кажется ему такой далекой, что вызывает гнетущую пустоту на душе.

— «Газон» мой... Кому передали?

— Мишка-конюх выпросил.

Павлик недоверчиво смотрит на Майю.

— Ну да? Не по Сеньке шапка. Он и за лошадьми-то ходить не может. Угробит машину!

— Вот и я сказала председателю, что угробит, — поспешно отзывается Майя и тут же умолкает, увидев, как мрачнеет лицо парня.

— Страшно не хочется с тобой расставаться! — вздыхает он.

Майе и самой тяжко.

На тёмную воду свинцовой пеленой опускается туман. Гудок теплохода охрипший и долгий. Он вызывает у Майи озноб. Она вдруг отчётливо сознаёт, что, несмотря ни на что, по-прежнему любит этого неудачника бородача. Любит ещё сильнее, чем прежде, с невыносимой тоской по нему. И вдруг неожиданно для обоих порывисто прикикает к нему и целует его так, что у него захватывает дыхание. Овладев собой, она осторожным, но настойчивым движением освобождается из его объятий и жалобно шепчет:

— Я ненормальная, правда?

— Нет, ты хорошая, хорошая... — жарко дышит Павлик, отыскивая ее губы. — А может, останешься? Ну, что тебе в деревне-то!.. И здесь можно устроиться. А председателю я сам отпишу...

Майя отступает. До боли кусает губы. Не таких слов ждала от него. Она понимает, что эта встреча очень важна для обоих. И, не щадя ни себя, ни его, резко бросает:

— Пора мне... Чего ж оставаться? От добра добра не ищут. Раскис ты здесь, Павлуша, от шампанского-то!..

Последний гудок, и Майя вбегает на палубу. Уплывают в темноту мерцающие, как угольки, огни дебаркадера. Недовольно о чем-то шепчутся волны. Водяные брызги холодом обжигают руки.

— Майя! — доносится до неё знакомый, полный отчаяния голос. — Майя!..

Она оттирает ладонью слёзы и торопливо машет затухающим на берегу огонькам.